

УДК 130.2

СТАРИННАЯ ВЕЩЬ: АНАЛИЗ ПОСТИЖЕНИЯ СУЩНОСТИ В НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ

Н. А. Муштей

Саратовский государственный университет
E-mail: lux_spei@mail.ru

Статья посвящена анализу субъект-объектных отношений человека и вещи; сделана попытка раскрыть природу влечения к старинным вещам. Чувственные переживания воспринимающего субъекта расцениваются как возможность постижения сущности старинной вещи. Способствует данному процессу нивелирование социокультурных характеристик предмета старины при непосредственном обращении к нему.

Ключевые слова: старинная вещь, объект, субъект, чувственно-перцептивное переживание, сущность.

Antique Thing: Analysis of Comprehension of Essence in Direct Perception

N. A. Mushtey

The article deals with the analysis of subject-object relations between person and thing. The author tries to explain nature of attraction to antique things. Perceptual experiences of perceptual subject are considered as a possibility to comprehend the essence of antique thing. Evening-out of sociocultural characteristics of an antique thing in direct address to it helps with this process.

Key words: antique thing, object, subject, perceptual experience, essence.

Теме вещи и вещности в культуре посвящено достаточно много культурологических исследований. Имеет смысл рассмотреть проблему вещности через феномен старинной вещи и её значения для познающего субъекта. Такая вещь в культурологических исследованиях изучается как отдельная категория при типологизации предметной среды человека, ей приписываются функции сохранения культурной памяти, накопление социального опыта, функция знаково-символического ориентира и т. д.

Необходимо разграничить понятия старинной и старой вещи: под старой вещью чаще всего подразумевается бытовой предмет, срок службы которого скоро закончится и функционально он станет непригоден. Её владелец обладает исчерпывающей информацией о жизненном цикле, функциях и существенных особенностях такой вещи. У старинной вещи все утилитарные функции упряднены, она занимает неприкосновенное положение в повседневном пространстве. Она эстетическим обликом может не вписываться в интерьер, быть ветхой и инвестиционно бесполезной, но старинная вещь всегда сокровенно хранима и ценна, в отличие от старой. Старина определяется давностью происхождения, и её возраст не укладывается в жизненные рамки одного-

двух поколений. Преимущественно вещь должна принадлежать к другому историческому времени, чтобы получить статус старинной.

При этом существует интересная особенность старинной вещи, а именно проявление необъяснимого влечения и тяги человека к подобно-го рода вещам. Данный феномен – «лирическую» сущность вещи – описывает М. Эпштейн: «Вещь обладает особой лирической и мемориальной сущностью, которая возрастает по мере того, как утрачивается технологическая новизна, товарная стоимость и эстетическая привлекательность вещи. Эта сущность, способная сживаться, сродняться с человеком, раскрываться все полнее по мере того, как другие свойства вещи отходят на задний план и обесцениваются»¹.

Безошибочно можно отличить вещь старинную от её качественной имитации, которая никогда не станет тождественной подлиннику. При выборе между настоящей старинной вещью и её современной копией субъект отдаст предпочтение первой, хотя вторая может быть более практичной, эстетически привлекательной и искуснее выполненной. Каковы же причины подобного влечения к предметам старины?

Присваивание материальных элементов прошлого выступает тождественным присвоению прошедшего времени в настоящем. Созерцание старинной вещи способствует преодолению в сознании временных отношений прошлое – настоящее – будущее. Переживание предметности антикварной вещи стирает темпоральные границы в чувственном переживании субъекта, расширяет его жизненные границы во времени, играет роль канала во взаимопроникновении настоящего и прошлого. Старинная вещь не создает образа прошедшей исторической эпохи, не отсылает к культурным традициям, она позволяет человеку почувствовать свое существование вне настоящего временного континуума, причастность к прошлому как к личному переживанию, а не к историко-культурному наследию. Ценность старинной вещи для её обладателя заключается отнюдь не в её культурном наполнении и значении, а в том, что она может рассказать субъекту о самом себе. Чем больше вещь вписана и закреплена в коллективных традициях и ритуале, тем менее она чувственно переживается субъектом: индивидуальное отношение замещается коллективным, социальным. Если вещь выступает как

культурный текст исторически сложившейся знаковой системы, она теряет всякое личное значение для субъекта, скорее она становится атрибутом социальных отношений, знаком, претендующим на всеобщность в интерпретации. Знаково-символическая нагруженность вещи притупляет опыт её переживания, свободный от предшествующих концептуализаций.

Именно непредвзятость интуиции способствует построению смысла, имеющего индивидуальную значимость для субъекта. Исторические традиции, детерминирующие субъект-объектные отношения, не оставляют места непредвзятому чувственному опыту субъекта и способствуют сущностной непроницаемости вещи. Вещь в пространстве культуры входит в жизненный мир индивида в установленном своем назначении и наименовании, субъекту приходится принять социальные конвенции и манипулировать вещами в рамках заданных социумом представлений.

Обращение индивида к старинной вещи носит интенциональный характер. Попадая в пространство повседневности и современности, старинная вещь являет собой только то, что доступно индивиду для непосредственного восприятия. Познающему субъекту не дано нарративных оснований для определения сущностных характеристик вещи. Старинная вещь, хотя и рассматривается исследователями вещи в культуре как мифологема, тем не менее не являет познающему субъекту мифа как такового. Кроме своей предметной сущности в настоящем она не сообщает семиотически о прошлом. К примеру, старинная ваза, попав в пространство повседневности человека, вызывает своей ветхостью помимо эстетического чувства ещё и необъяснимое чувство влечения к ней. Но для субъекта остается неизвестной информация о ее истории, включающей процесс создания, мифологические сказания о ней, художественное значение, жизненные процессы прошлых владельцев, социокультурный контекст, эмоциональные переживания и чувственное восприятие субъектами из ее прошлого. Она наличествует прежде всего как объект действительности, не раскрывая дополнительных текстов и кодов, способствующих декодированию её смысла. Старинная вещь входит в чувственный опыт человека уже в данном своем качестве. Субъект не имеет представления об этапах существования вещи до этапа присвоения ей характеристики «старинности». Он получает ее в темпорально опосредованном виде. У познающего отсутствуют воспоминания об объекте, суждение о нем. Этим подчеркивается не просто чувственное восприятие старинной вещи, а восприятие интенциональное и дескриптивное.

Человек постигает сущность вещи дескриптивно и интенционально при помощи неосознанной феноменологической редукции, т. е. субъект приходит к сущности вещи не через теоретизированное знание о ней, а через ин-

туитивное восприятие её в действительности. Единственный атрибут старинной вещи, представленный субъекту в первичном восприятии, – это физическое обветшание. Тем не менее она еще может выполнять свои утилитарные функции, но они упразднены для нее, старинная вещь представляет сакрализованный объект. Возникает вопрос, каким образом познающий субъект, не имея сложившихся представлений, основанных на теоретическом и практическом знании об её атрибутивных культурных характеристиках, присваивает ей герметичный сакральный статус и аксиологическую востребованность. Как можно описать вышеизложенный процесс в рамках философского осмысления и дискурса? Для этого уместен феноменологический подход, который формулирует метод познания, характерный для данного случая.

Старинная вещь в восприятии дается как целостность, имеющая определенное положение в пространстве, форму, вес и цвет. Потом происходит распознавание ее отличительных от современных предметов данного класса черт. Инаковость антикварной вещи может быть выражена не только в отличии материалов, способов изготовления, необычности формы, внешних повреждениях. Старинная вещь идентифицируется субъектом как таковая на основании его чувственно-перцептивного переживания. В непосредственном опыте полностью исключены её «вторичные свойства», т. е. знание о вещи рождается вне поля предписанных ей культурных кодов. Вещь представляется человеку в непосредственной очевидности, затем схватывается в рефлексии и закрепляется в акте сознания как смысловой конструкт. Старинность предмета дается субъекту благодаря непредвзятому взгляду на её внешний вид: форма, материалы и их комбинация, цвет, запах – всё это создаёт целостность образа, отличного от образа современных вещей. Порой именно специфический запах свидетельствует о старинности вещи.

Одним из важных дескриптивных актов является различение – возможность типизировать вещь, первоначально основанная на очевидном чувственном прочтении. К примеру, отличие антикварной вещи от профессиональной современной имитации будет актуализироваться именно в материально-физических качествах. Настоящая старинная вещь имеет отпечаток ремесленного производства в виде погрешностей работы мастера, исключительной обработки материала, его структурных изменений по прошествии времени и т. д. Современный же человек, как правило, имеет доступ к серийным вещам, которые совершенствовались благодаря многочисленным стадиям технологической разработки и изготовления. Они создаются на высокотехнологичном производстве из современных материалов и призваны соответствовать критериям потребительского спроса. Их типичной характеристикой является тиражиру-

емость и симулятивность. При всей кажущейся гетерогенности материальных предметов, окружающих современного человека, существует некая вещная ограниченность, заключающаяся в техногенном производстве независимо от серийности или эксклюзивности модели.

Символизм культурных форм, который определяет принадлежность вещи к той или иной эпохе, культуре, этносу и типологизирует её как старинную, недоступен субъекту в повседневном акте восприятия. Но тем не менее это упущение не играет роли в правильности определения места вещи в системе отношений. Первичные признаки вещи имеют доминирующее значение при типологизации и приписывании статуса старинности.

Следующим этапом в отношении субъекта и вещи выступает не описание предмета, а описание актов сознания, в которых старинная вещь переживается. Отсутствие фоновых знаний о вещи способствует пониманию ее чистой сущности и сущностных структур сознания познающего. Через переживание внешней формы вещи он приходит к её сущности, заключенной в выражении временности.

Сущность «старинности» переживается субъектом в качестве очевидной непосредственной данности, что помогает прийти к пониманию собственных структур сознания. В данном случае это регрессия к прошлому и отношение к этому как к необходимой экзистенции. Обращение к сущности вещей – это обращение к своей сущности, понимание себя через чувственное переживание вещей. Старинная вещь, долго находившаяся в использовании, помогает созерцающим её почувствовать время, его власть над материальным и телесным. Обладание старинной вещью способствует присвоению чужого прожитого времени, актуализирует причастность к длительности жизни другого человека. О фамильных реликвиях Ж. Бодрийяр в «Системе вещей» пишет: «Они служат бегством от повседневности, а самое радикальное и глубокое бегство — это бегство во времени, в свое собственное детство»². Что касается реликвий как фамильных ценностей, то здесь детство выступает ключевой

темпоральной формой возвращения познающего субъекта. Если рассматривать старинные вещи в целом, возвращение можно расширить от ограниченного собственными жизненными рамками до любого момента в историческом прошлом. Таким образом создается иллюзия увеличения продолжительности своей собственной жизни. Старинная вещь – это своего рода проход в чужое время, в чужую жизнь. Обладая старинной вещью, человек продлевает свое существование, но не в будущее, а назад – в прошлое. Оно открывает и ввергает себя в материальный объект, который становится границей прошлого и настоящего. «Старинные вещи – это как бы “святые мощи” прошлого, это его “реликвии”, соприкосновение с которыми (зрительное, телесно-осознательное) соединяет человека “с тем, что было прежде и чего нет теперь”, в конечном счете, эти “реликты прошлого” связывают его (символически) с чем-то Изначальным»³.

Влечение к подобного рода вещам определено необходимостью преодоления собственного бытия и соприкосновения с бытием другого. Вещь, «обогащенная временем», – это способ выхода за границы сиюминутно воспринимаемого пространственно-временного континуума. В старинной вещи переживается сама идея времени: человек не просто видит потрескавшуюся краску на стенках кувшина, а созерцает следы времени, чувствует его длительность, ламинарность, необратимость. Старинная вещь служит доказательством континуальности времени, феноменальным подтверждением реальности свершившегося прошлого. В созерцании старины человек находит для себя материальное, фактическое подтверждение хода времен как истину, очевидную в чувственном переживании.

Примечания

- ¹ Эшттейн М. Знак пробела : о будущем гуманитарных наук. М., 2004. С. 666.
- ² Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. и вступ. ст. С. Зенкина. М., 1999. С. 90.
- ³ Лишаев С. А. Старое и ветхое : опыт философского истолкования. СПб., 2010. С. 120.